

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Двадцатое апреля, Пески

Вей Ши

По зеленому лесу, выросшему там, где совсем недавно лежали раскаленные барханы, неслышно бежал тигр с красноватой шкурой.

Зверь был текуч и плавен, а лапы его так мягко касались земли, что птицы не успевали в страхе выпорхнуть из гнезд, как он уже проносился мимо. Он был голоден, но охоту отложил до темноты, чтобы не тратить драгоценное время: днем видимость лучше, и можно пробежать больше.

В начале пути наследник йеллоувиньского престола сильно выматывался, но по прошествии нескольких дней окреп, и теперь заставлял себя останавливаться ночами, чтобы найти добычу и отдохнуть. Насытившись, Вей Ши оборачивался человеком и обязательно тренировался перед коротким сном: повторял комплексы упражнений, метал ножи, а затем медитировал, восстанавливая разум и тело. Все ради того, чтобы не упасть по пути от истощения. Чтобы там, куда он бежит, тело после обратного оборота слушалось не хуже, чем перед дорогой.

В первый же день после ухода из Тафии Вей добрался вдоль русла Неру до узкого места, где ныне находилась паромная переправа. Он переплыл реку и понесся под прикрытием леса вдоль старой дороги, по которой шагали верблюды с погонщиками, проезжали телеги, запряженные осликами, а иногда и автомобили то ли с беженцами, то ли с торговцами. Тракт этот шел к низкому горному перевалу, где сходились границы Песков, Рудлога и Йеллоувиня. Вей Ши сейчас уже отчетливо видел его низкое седло между крон деревьев: еще день, и страна драконов останется позади.

Сколько дней понадобится, чтобы пересечь Йеллоувинь и добраться почти до Бермонта, в провинцию Сейсянь, где, как следовало из видений девочки Рудлог, откроется портал в другой мир, Вей не представлял. Но он отчаянно, до глухого рыка в груди надеялся, что не опоздает. И так же отчаянно верил, что видение — это только вариант будущего, и его можно изменить.

Потомку Ши не пристало бояться, однако кислый привкус страха, появившийся, когда Вей смотрел с Каролиной Рудлог на смерть деда, только усиливался. Страх бежал следом, нагоняя наследника ночами, колол сердце ледяными иглами и заставлял бросать в небеса просьбы Желтому: чтобы первопредок помог добраться вовремя и предотвратить беду.

Тишина и одиночество обострили чувства Вей Ши, заставив вглядываться внутрь — и он смотрел и не узнавал себя, словно вошел в Тафию одним человеком, а вышел другим. Все то, что раньше приводило в ярость, что выглядело в его глазах насмешкой и унижением, теперь казалось мелочью, не стоящей даже движения брови. Наоборот, ему не хватало ранних побудок в храме, служб и скудных трапез с остальными послушниками, неспешных разговоров со стариком Амфатом, физического труда и отрешенной работы с землей — наконец-то он понял, почему дед, Хань Ши, находил в этом удовольствие! А люди, которые так утомляли и раздражали Вея ранее, даже невыносимо болтливая девочка Рудлог, теперь вызывали снисходительное любопытство.

Хотя стремление к одиночеству никуда не делось — это было в характере всех Ши.

Только воспоминания о тяжелой руке Мастера до сих пор заставляли Вея скалиться и ускоряться, словно можно было оставить их позади. И когда наследник вглядывался в себя в эти моменты, что угодно было в его душе, кроме смирения.

Он скучал по родным, но если раньше мысли о них окрашивались в цвета вины, обиды, ярости и гнева, то сейчас Вей будто перешагнул через желание стать идеальным Ши, доказать, что он достоин быть наследником, несмотря на порченную кровь. Теперь он хотел просто снова пройти по дорожкам дворца с отцом и дедом, без гордыни и пренебрежения принять ласку матери, поговорить с сестрами. Ощутить себя частью семьи. И не бояться, что больше не увидит того, кого почитал и любил сильнее всех людей на Туре.

То ли от голода, то ли от сосредоточенности восприимчивость его усилилась стократ. Это началось еще до ухода из Тафии — с тех пор, как Вей научился медитировать, сенсорный хаос, из-за которого наследник не переносил людей, постепенно стих, будто с каждым выходом в транс вокруг него укреплялась защитная стена. Он не стал глух, но восприятие перестало быть болезненным.

Теперь же, когда нагрузка на органы чувств резко снизилась, в периоды медитаций ему начала открываться глубинная суть мира — то, о чем рассказывали отец и дед, но чего никогда не мог увидеть сам Вей. Он ложился на спину в лесу, полном ночных звуков и влажных древесных запахов, закрывал глаза и видел, как вокруг пульсирует, течет сплетение первоэлементов, образующих Туру — от буйного, пронизывающего все теплом огня до вечно покойной и холодной смерти.

Стихия Черного Жреца по сравнению с полноводными реками других стихий казалась тонким, застывшим ручейком. И даже неопытный Вей видел, что с каждым разом ее недвижимый, поглощающий сам себя поток становился все прозрачней: близился момент, когда он пропадет совсем. Замечал наследник и то, что не разглядел в первые разы — остальные стихии тоже слабели, текли медленнее, с усилием, словно вот-вот готовы были остановиться или развеяться.

Как жалел теперь Вей Ши, что не может обсудить увиденное с дедом или отцом, услышать их объяснение. Но сейчас он намеренно закрывался от внимания родных, потому что не хотел, чтобы его заставили вернуться.

Только единожды, в первый вечер после ухода из Тафии он приоткрылся — проверить, выбралась ли девочка Рудлог из ментальной лакуны, которую он создал в плату за информацию о дедке. Но почти сразу услышал тяжелое: «Вей!» — и ощутил мысленное давление отца, повелевающее снять щиты и ответить.

Наследник, воспитанный в почтении и послушании старшим мужчинам семьи, на этот раз забаррикадировался наглухо и убежал с места обнаружения так быстро, как мог: отец при желании мог к нему и проекцию послать. Больше Вей Ши не рисковал.

«Ты что, так меня и оставишь?» — вспомнил он гневный девичий голос и поморщился, мотнув тигриной башкой. Не стоило бросать ее одну в лакуне: она, конечно, выберется, но может запаниковать, все же Каролина Рудлог еще ребенок.

Не стоило и разбрасываться словами: теперь, если он не вернется, чтобы сделать ей обещанный амулет с равновесником, а погибнет до этого, не будет ему легкого перерождения.

Но это было меньшим из того, что беспокоило младшего Ши.

Чувствовал Вей теперь и нутряные содрогания Туры, после которых по стихийным потокам шли невидимые возмущения. Пески они почти не затрагивали — эта земля была еще слишком полна сил после свадьбы Владыки и возрождения, — но и здесь Вей ощущал, особенно ночами, будто в глубине смещаются, спрессовываются, потрескивают слои. Все чаще доходила до него дрожь от движения горных цепей, близких и далеких — каменная шкура планеты шла едва заметной рябью, как у больного животного, — и с каждым днем напряжение стихий усиливалось, словно вот-вот Тура должна была разлететься на куски.

Одиночество открыло наследнику гигантский мир, величественный и мощный, полный внутренних связей, и Вей невольно учился слышать, ощущать и понимать его.

Уже под утро, когда над Песками только-только начал заниматься рассвет, наследник сквозь сон почувствовал, как от стихийной ряби, вновь прошедшей по слабеющей Туре, дрогнули незыблемые горные цепи от Йеллоувиня до Блатории.

Вей Ши, решивший дисциплинированно выспаться, чтобы набраться сил на дневной переход, перевернулся на другой бок, поморщился и, не просыпаясь, выставил вокруг себя еще с десяток щитов, чтобы ничего не ощущать. А искажения стихий пошли дальше по планете.

На далеком материке Туна, истерзанном извержениями, каждая волна ряби заставляла вулканы вновь реветь и взрываться, образуя все большие кальдеры с лавовыми озерами — целый материк плавился, покрывался трещинами, грозясь рассыпаться на куски.

Старые захоронения, было успокоившиеся после начала служб в Медовом храме, вновь начали восставать по всей Туре вслед за особо сильными волнами искажений. Вставать, образуя новые, доселе невиданные виды нежити, и отправляться на поиски пищи.

Вулканы как и на границах Рудлога, не так давно успокоенные королевой Василиной, так и в горных цепях других стран один за другим выплевывали столбы дыма и окрашивались

в багряные цвета извержений. Сходили лавины, горные озера выплескивались из берегов и скатывались по склонам в долины.

Заскрипел в ночи ослабевший от совместных усилий монархов Драконий пик, затрещал, но устоял — сила, вложенная Хозяином лесов в его создание, еще держала камень. Вершина пика, перегородившая реку, тоже устояла, хоть и осыпалась местами мелким щебнем: сквозь небольшие трещины в ее основании стало утекать по склону озеро, образовавшееся из-за запруды. Скоро подмоет осколок горы — и извергнется гигантским водопадом вниз, затопит поля и деревни, расположенные в долине.

А в Блакории озеро, находящееся на одном из северных горных склонов, вспороло ледяной покров и выплеснулось из берегов. Покатилось вниз смесью валунов, снега и воды, набирая ход и перепрыгивая через уступы. Повернуло вбок из-за вдруг образовавшейся трещины, перелетело на другой склон по совершенно невероятной траектории, и понеслось дальше, в узкую выемку между горами, словно по трубе уходя под землю.

* * *

Над Северными горами Блакории, где находились пещеры темных заговорщиков, скоро должна была наступить полночь. В подземном убежище оставалось чуть более десятка человек — в основном те, кто участвовал в подготовке взрывов и был накрыт проклятием воды. Большинство уже спали в каменных «кельях»: все были измотаны дневными вылазками на бои с иномирянскими отрядами, которые служили отвлечением, но проходили все с большими потерями.

В «столовой» сидели бледный Дуглас Макроут, сотрясаемый крупной дрожью, со светящимися зеленым глазами, и не менее бледный, высохший Оливер Брин с неизменной иглой капельницы в вене и пакетом с физраствором, прикрепленным к плечу. Брин колот молодому темному шприц за шприцем, и глаза Макроута постепенно приобретали нормальный цвет.

Когда опустела шестая ампула с настойкой на храмовых травах, темный перестал дрожать и без сил уронил голову на стол. Брин молча хлопнул его по плечу, потряс, проверяя, не в обмороке ли. Макроут спал — и Брин неспешно, щуря глаза и промахиваясь, стал собирать процедурный мусор со стола.

Ранее предводитель заговорщиков объемами напоминал зажиточного пекаря, а сейчас был худ, как щепка. Организму недостаточно оказалось капельниц, и он добывал воду из жира и мышц.

— Его завтра же нужно доставить в монастырь, — сказал Брин Чернышу, не поворачивая головы. Старый маг сидел в углу на стуле и с омерзением ел яблоко. На плече его была закреплена такая же капельная конструкция, как и у Бриана. — Иначе он уничтожит вас, Данзан Оюнович.

— Я сейчас его отнесу, — равнодушно сказал Черныш, поднимаясь. — Быть объектом подпитки — довольно новый для меня опыт, но не скажу, что приятный.

— Минуту. — Брин прощупывал Макроуту пульс. — Еще одно, Данзан Оюнович. Я считаю, мы достаточно подождали. Наш первопредок в Нижнем мире все еще в движении, и мы вряд ли способны сделать для него больше, чем уже сделали. Я требую завтра вывести нас к правительственным войскам Блакории. Мы помогли им и можем рассчитывать на снисхождение, а наши братья говорят, что с правительственными войсками, помимо фон Съедентента и Лыськовой, работает сам Гуго Вьертолакхнет. Он не менее опытен, чем вы, возможно, сможет избавить нас от проклятья.

Чуть дрогнула, закрипела гора, и собеседники замолкли, подняв головы и прислушиваясь. Но ненадолго — уже привыкли к тому, что Тура неспокойна.

Черныш хмыкнул.

— Вы не забыли, что мы убили их короля, Оливер? Да и Гуго — ленивый пень, которого интересуют только цветочки и погода. — Он подошел к столу, с любопытством поглядел на дремлющего Макроута, провел над ним рукой и отступил с сожалением: не время исследовать. — Нет, если кто и сможет помочь, то Алмаз. Я обращусь к нему. Он обещал протекцию и помилование. Старов сентиментален и до сих пор витает в облаках идеализма — его самолюбию так польстит то, что я пришел к нему капитулировать, что он грудью встанет на нашу защиту даже перед королевой. В Рудлоге мы пока никого не успели убить, будет легче. Отчего вы так смотрите на меня, Оливер?

— Вы слишком легко согласились, — бесцветно ответил Брин. — Что вы задумали, Данзан Оюнович?

Черныш снова хмыкнул, потянувшись за последним яблоком к чаше на столе.

— Вы умны, господин Брин. Жаль, что в свое время вы не попали ко мне в институт. — Он впился зубами в круглый бок: захлюпал сок, и маг вдруг закашлялся, согнувшись пополам и вмиг синея. Собеседник не успел к нему и дернуться, когда тот все же начал дышать, с трудом, с посвистом.

— Я просто не хочу умереть вот так, — пояснил Оливер Брин. — Так что вы задумали?

Данзан Оюнович потер губы ладонью, чтобы убрать даже капли сока. Яблоко осталось лежать под ногами.

Снова дрогнула гора. Посыпались сверху камешки, Брин отступил в сторону, смахнул щебенку со спящего Макроута.

— Черный Жрец двигается, но не выходит, — заговорил Черныш силно. — Возможно, ему все еще нужна наша помощь.

Брин молча смотрел на него. Черныш прислушался — ему показалось, что где-то нарастает странный шум. Камень под ногами снова начал вибрировать.

— Нам не добраться сейчас ни до королевы Рудлога, ни до царицы, ни до императора с Владыкой. Но Демьян Бермонт идет к Блакории вместе с рудложскими войсками. Если я сумею убедить Алмаза выторговать нам амнистию и позволить присоединиться к ним, мы сможем подобраться ближе к королю Бермонта. И убрать его.

— А если дело не в этом? — спросил Брин тяжело.

— А если в этом, Оливер?

Они одновременно повернули головы к проему, когда в столовую из «коридора», ведущего наружу, как из брандспойта, хлынул поток ледяной воды, оглушая, отбрасывая к стене, мгновенно поднимаясь по груди и выше.

Черныш, плюясь и отфыркиваясь, выставил руки, но не стал создавать бесполезный щит, — а Брин, вместо того чтобы защищать себя, рванулся к отброшенному потоком воды Макроуту, хватая его, и был сбит с ног.

Из глубины горы невозможно было создать Зеркало, но Данзан Оюнович всегда очень хотел жить. Чувствуя, как хлынула из ушей и носа горячая кровь, на едином выдохе, задержав дыхание, он вложил в плетение — и с потоком воды нырнул в серебристую поверхность, успев еще зачем-то дотянуться до Бриана, намертво вцепившегося в Макроута.

Алмаз Григорьевич Старов, мирно спавший в своей палатке на окраине лагеря рудложской армии, проснулся от

истошной вибрации сигналок. Не успел он потянуться за по-сохом, как его палатка затрещала, накреняясь, и маг, как был босиком, резво прыгнул к выходу.

Метрах в двух от него таяло Зеркало, извергая из себя как из гигантского крана снежно-водяную смесь: поток обтекал личный щит Алмаза Григорьевича и разливался в темноте по лесу. Старый маг взгляделся в переливы знакомой ауры и, недоверчиво хмыкнув в усы, одно за другим накастовал с десятков боевых заклинаний, удерживая их на кончиках пальцев.

От других палаток бежали солдаты, слышен был голос Свицерского, запустившего Светлячки, — Александр периодически приходил сюда с Юга, где натаскивал отряд боевых магов для помощи Тротту и принцессе.

Зеркало закрылось. Раздался надсадный кашель, но Алмаз Григорьевич и не подумал пошевелиться. Темная фигура, отбрасывающая множество теней в свете Светлячков, поднялась с земли, покосившись на Алмаза, и поковыляла к лежавшему неподалеку человеку с сильной темной аурой. Склонилась над ним, не переставая кашлять, просканировала. Раздалось облегченное хмыканье, и кашляющий потянулся к чему-то рядом — Старов только сейчас разглядел, что там два человека. Но второй был мертв.

— Оливер, Оливер... Все-таки вода вас достала, — донеслось сожалеющее, и Черныш принялся что-то снимать с шеи погибшего, по-прежнему не обращая внимания на Алмаза. Только поднял руку и накрыл себя и старого друга огромным щитом, отгородившись от приближающихся людей, среди которых был и Свицерский. Александр, не растерявшись, долбанул по преграде концентрированным Тараном, и купол у края пошел сияющими трещинами.

Черныш даже не обернулся.

— Ты никогда не брезговал мародерством, — проговорил Старов сварливо.

— Как будто ты брезговал, — с трудом выдавил Черныш, не разгибаясь.

— Грязный, мокрый, проклятый... жалкий... — с мрачным удовольствием перечислил Алмаз.

— Зато живой, — огрызнулся Данзан Оюнович.

— И что мне мешает сейчас тебя уничтожить? — Алмаз Григорьевич поманил к себе сапоги: они вылетели из палатки, опустились прямо перед ним, и маг аккуратно сунул в них ноги.

— Любопытство, Алмазушко, — прокашлял Черныш, надевая охапку каких-то амулетов через голову. Из носа и ушей его текла кровь, в руке болталась игла с трубкой от капельницы, и Данзан Оюнович, поморщившись, выдернул ее из локтевого сгиба. — Да и сил тебе не хватит меня одолеть. Как и мне тебя.

Снова раздался удар, треск — и Свидерский шагнул под купол шагах в тридцати от них.

— У меня есть помощник, — заметил Алмаз невозмутимо.

Черныш, кинув взгляд на пробившего себе дорогу ученика, недовольно вздохнул, повел рукой — кровь из носа потекла с новой силой, но щит восстановился, а на пути Александра встала призрачная заслонка. Солдаты вокруг гомонили, но к куполу без команды не приближались.

— Алмаз Григорьевич, нужна помощь? — крикнул бывший ректор.

— Пока нет, Саша, — ответил Старов, как порядочный маг используя усилитель голоса, — но, возможно, придется пеленать одного проходимца. Иди сюда, но можешь сильно не торопиться.

Свидерский вновь размахнулся. Загрохотало.

— Ты обещал мне помощь и амнистию, — напомнил Данзан Оюнович, едва заметно вздрогнув от проседания щита.

— Это было до того, как вы попытались убить королеву Рудлога, — покачал головой Старов и сместился чуть в сторону по хлюпающей грязи: у Черныша реакция слева всегда была чуть похуже.

— Какая забота от человека, сидевшего в своих горах, пока небо не стало падать на Туру, — хмыкнул незванный гость. — Не изображай добренького, Алмаз, я тебя слишком давно знаю. Ты бы и не пошевелился, если бы твой телескоп продолжал работать, и о смерти королевы забыл бы в ту же минуту, как узнал. Ты слишком хорошо всегда умел себя оправдывать. Единственное, что нас отличает, — я никогда не лицемерил и не боялся запачкать руки.

— Амулет подмены внешности — твоих рук дело? — поинтересовался Алмаз, не отреагировав на эту тираду.

— Моих. — Черныш словно невзначай повернулся по ходу движения заклятого друга. — Но последнее покушение — инициатива Львовского. Я был против.

— Как удобно, что он не может ничего сказать, правда? — проговорил Старов с усмешкой.

— Да если бы и мог, — высокомерно ответил Черныш, — что мне стоило вложить ему ложные воспоминания? Придется тебе поверить мне на слово, Алмазушко. Я ведь тебе поверил, к тебе пошел...

— Прибежал, как всегда, когда пятки припекло, — безжалостно подсказал Алмаз Григорьевич. — Точнее, намочило. Откуда эта вода, Данзан?

— Я же говорю, любопытство сильнее тебя, — довольно хмыкнул Черныш. — Помоги мне, Алмаз. Сними проклятье. Я отработаю амнистию. Ты говорил, вам нужна помощь — вот он я, готов вам помочь.

Старов смотрел на него с задумчивым прищуром.

— Всегда поражался твоей непрошибаемости, — проговорил он медленно и кивнул подошедшему Алексу. — Пеленай, Саш.

Полыхнули с двух сторон светящиеся ленты, и Черныш выставил руки в стороны, удерживая их на расстоянии.

— Ты же знаешь, что я и сейчас могу уйти! — Снова пошла носом кровь, он забулькал, сплевывая. — Никакая тюрьма меня не удержит, Алмаз. Хочешь остаток войны провести, охраняя меня?

— Зачем? — отозвался Алмаз Григорьевич с иронией. — Старый добрый стазис. Будешь после войны стоять у меня в обсерватории с этим самым перекошенным лицом, дружище.

— Ты выиграй сначала войну, — зло сплюнул Черныш. — А я ведь помог тогда вам! — Он с натугой разводил руки, и ленты, вьющиеся вокруг, то вспыхивали, стора, то вырастали заново, закручиваясь с новой силой. — В долине! Если бы не помог, фон Съедентент с Лыськовой давно были бы впечены в лаву. Тоже вру, скажешь?

— А ты забыл, почему мы там оказались? — Алмаз тряхнул кистью: в Черныша полетел стазис, и отступник отмахнулся, на мгновение потеряв концентрацию, захрипел, спеленатый лентами, а затем прошептал что-то, отчего они вспыхнули.

— Мне это надоело, — процедил он, перемещаясь в сторону от Таранов, летящих с двух сторон: от их столкновения магов чуть не сбило с ног силовой волной. — Спрашиваю еще раз и ухожу: поможешь мне, Алмаз? Или готов ради своего тщеславия оставить вашу армию без моей силы?

— Как-то до сих пор без тебя справлялись, — не впечатлился Алмаз Григорьевич. Посмотрел за спину Чернышу: